

Прикосновение к коже за ухом было мимолётным, точно касание крыла бабочки. Не разобрать — поцелуй это или случайность.

Цзюнь Жухэн отпрянул, точно ошпаренный. Из-за этого резкого рывка он задел плечом Чу Яо, едва не опрокинув его навзничь.

— Ты... ты что творишь?

Чу Яо потёр ушибленный подбородок. Взъерошенный, растерянный вид Воробышка забавлял его, но на лице наследника не отразилось ничего, кроме невинного недоумения.

— Мне показалось, у тебя что-то за ухом, — мягко возразил он. — Хотел разглядеть поближе. Ты же знаешь, у меня плохое зрение.

«Плохое зрение» — воистину универсальное оправдание. Не спорить же с полуслепым калекой.

Насупившись, Жухэн попытался извернуться перед зеркалом, чтобы рассмотреть собственную шею, но ничего не увидел. Бросив это тщетное занятие, он сердито сменил тему:

— Слепой как крот, а всё туда же — вечно где-то бродишь! Куда тебя опять понесло? Почему так поздно?

Чу Яо потянулся к нему, оправляя ворот его одежды. Кончики пальцев словно невзначай вновь коснулись крошечной родинки за ухом — яркой, точно капля киновари на белом нефрите.

Наследный принц никогда не бросал слов на ветер.

— Учитель мёртв, — тихо произнёс он. — Я лично проводил его в последний путь.

В этих коротких словах сквозила беспредельная тоска. Чу Яо сидел у светильника, и в колеблющемся круге света его одинокая фигура казалась особенно хрупкой. Жухэну вдруг отчаянно, вопреки всякой логике, захотелось подойти и встать рядом с ним.

— Но почему? — спросил Жухэн. — Зачем Великому наставнику Яну так поступать? И... почему те люди на улице так о тебе отзывались?

Жухэн-то надеялся просто пригреться под крылом «добродетельного наследника». Но, судя по всему, реальность трещала по швам, упрямо не желая укладываться в рамки канона.

«Сюжет важен, но жизнь дороже».

Руководствуясь этим незыблемым правилом, новоиспечённый попаданец решил прояснить обстановку, прежде чем окончательно примкнуть к одной из сторон.

Ночь обещала быть долгой. Чу Яо разлил по чашкам крепкий чай и неторопливо, словно заправский сказитель, начал:

— Давным-давно жил-был император. На престол он взошёл в лихие времена: голод, засуха, мор — народ стонал от бедствий. Государю отчаянно требовалось чудо, способное укрепить его пошатнувшийся трон и вернуть людям веру в небеса. И вот в самый разгар смуты на свет появился его старший сын от законной супруги. Рождение младенца совпало с долгожданным ливнем, положившим конец засухе, которая иссушала землю два сезона подряд. Поползли слухи, будто это дитя — благословение небес. Император не упустил случая: он немедленно провозгласил новорождённого наследным принцем. А чтобы закрепить успех, придворные звездочёты из Астрономического приказа состряпали для младенца безупречную судьбу. Так обычного ребёнка в колыбели возвели в ранг живого божества.

Горька участь простых людей, если единственным их спасением становится вера в выдуманного идола. Жухэн мысленно вздохнул.

— И что было дальше? — спросил он.

— Первые несколько лет дела в государстве действительно шли на лад, — продолжил Чу Яо. — Легенда о покровительстве звезды Цзывэй казалась неоспоримой истиной. Но благоденствие длилось недолго.

Его голос сделался глубже, выдавая затаённую горечь.

— Настали дни, когда на страну обрушились новые бедствия — куда более страшные, чем прежде. Божественная благодать, якобы почивавшая на наследнике, испарилась без следа.

За окном сгущался ночной туман. В этой вязкой мгле стирались грани, превращая и людей, и призраков в неразличимые тени.

— Астрономическому приказу пришлось оправдываться перед разгневанной чернью, — устало усмехнулся Чу Яо. — Быстро состряпали новое толкование: дескать, «высокая участь предначертана, да удачи лишена». Несчастный, доведённый до отчаяния народ мгновенно поверил в это. Людям просто требовался виновник всех бед, козёл отпущения. Обычное дело.

— Значит, Ян Бинжэнь напустил этих тварей только ради того, чтобы повесить на тебя очередное проклятие? — догадался Жухэн.

Маски были сброшены, скрывать очевидное не имело смысла, и Чу Яо молча кивнул.

— Учитель прекрасно знал, как переменчива толпа. Сейчас, когда мятежники стоят у ворот, это бедствие должно было стать последней каплей, которая переполнит чашу и раздавит меня.

— Чу Яо шевельнул пальцами и уронил руку на колени. — Так что, воробышек, дела наши плохи.

Слышать подобное обращение было непривычно, но Жухэн решил проявить великодушие и списать всё на подавленное состояние принца. Он лишь сморщил нос:

— Вечно вы, люди Великой Инь, мешаете глупые суеверия с чужой судьбой. Все ведь сотканы из плоти и крови, никто из вас не умеет летать к звёздам или раздвигать горы. С какой стати один человек должен отвечать за жизни миллионов?

Жухэн приподнял руку и ободряюще взъерошил волосы Чу Яо на макушке:

— Выше нос, парень.

Чу Яо даже не попытался уклониться. Под ладонью Жухэна, покрытой тонкими мозолями от тренировок, он на миг замер с ошеломлённым видом. Этот незащитный взгляд на его безупречном лице сочетал в себе пугающую невинность и глубокое, манящее притяжение. У Жухэна сладко екнуло в груди.

Но оцепенение быстро спало: Чу Яо резко отстранился.

Жухэн мысленно возмутился.

«Сам-то хватал меня почём зря, а мне и погладить тебя нельзя?»

Не успел он высказать обиду, как Чу Яо, отвернувшись к окну, тихо проговорил:

— Война — не детская забава. Скоро здесь прольётся кровь. Уходи, пока ворота ещё открыты.

Опять прогоняет?

Жухэна это одновременно и злило, и забавляло. До попадания в этот мир он честно отслужил несколько лет в миротворческих войсках и повидал всякое. А этот болезненный красавчик обращается с ним так, точно перед ним незащитная комнатная птичка.

В Жухэне разыграла гордость:

— Настоящий муж готов встретить клинок грудью, не заботясь о собственной шкуре. Если враг у ворот, позорно бежать без боя!

Чу Яо резко обернулся. В его обычно тусклых, незрячих глазах полыхнул такой острый, пронзительный блеск, что Жухэн невольно отшатнулся:

— Твои глаза... ты видишь?

Но вспышка угасла мгновенно, оставив лишь смутное ощущение обмана зрения. Принц продолжал «смотреть» на него не отрываясь. Жухэн замялся и нехотя буркнул:

— Ну ладно, ладно... Просто если этот подлец Чу Янь захватит власть, он уничтожит всех обитателей духовного мира. Так что я остаюсь ради них, а вовсе не из-за тебя.

Чу Яо едва заметно усмехнулся:

— Действительно не уйдёшь? Помни, третьего предупреждения не будет.

Жухэн расправил плечи, всем своим статным видом демонстрируя непреклонность:

— Моё слово твёрдо. Назад дороги нет.

Кажется, Чу Яо наконец принял решение.

— Дай мне руку, — попросил он.

— Зачем?

Жухэн нерешительно протянул ладонь. Чу Яо мягко сжал его пальцы, и в то же мгновение по руке Жухэна побежал тёплый ручеек чужой духовной силы, устремляясь прямо к сердцу.

Взглянув на свою грудь, Жухэн ахнул: сквозь ткань рубахи золотистым светом проступил изящный иероглиф «Яо».

— Что... что это такое?

Чу Яо, не выпуская его ладони, сделал шаг навстречу.

— Скоро в городе начнётся суматоха, — негромко пояснил он. — Это **[Контракт согласия сердец]**, который часто используют воины Великой Инь. Он связывает нас: теперь я всегда буду знать, где ты находишься, а ты сможешь почувствовать меня.

Объяснение звучало двусмысленно, но Жухэн мысленно приравнял это к установке маячка

слежения — если с наследником что-то случится, он хотя бы сможет вовремя прийти на выручку. Пока попаданец легкомысленно отмахивался от сомнений, Чу Яо не сводил взгляда с мерцающего знака на его груди.

— Ветер переменился, — едва слышно обронил принц.

Сквозняк ворвался в покои, заставив пламя свечи вздрогнуть. Ни один из них не заметил, как порывом ветра перелистнуло страницы лежащей на столе *[Книги «Записи Минхая»]*. Строки, оставшиеся недочитанными несколько дней назад, теперь отчётливо проступили в полумраке:

* «Искренна и чиста душа птицы Бифан. Тот, кто свяжет себя с ней нерушимым узом, разделит силу её алого пламени, способного сокрушать скверну и исцелять любые яды...»*

И сокрушить Драконью жилу.

В последующие дни ядовитые всходы слухов со страшной быстротой заполнили улицы и закоулки Цзичжоу.

Перешёптывались, будто явленное некогда *[Небесное откровение]* было истинным предзнаменованием беды, но корыстные и льстивые чиновники намеренно исказили его суть, выдав дурной знак за благословение звезды Цзывэй. Именно эта ложь, уверяли кумушки, и навлекла на город гнев разгневанных небес, покаравших смертных полчищами плотоядных тварей.

Другие же божились, что нашествие плотоядных насекомых — такое же кровавое злодеяние, как и прорыв Драконьей жилы пятнадцать лет назад. Шептались, будто императорская семья вновь устроила тайное жертвоприношение, пытаясь продлить угасающую жизнь чахлого наследника престола.

Людской разум устроен так, что в моменты страха он слепо связывает воедино самые нелепые совпадения и начинает истово верить в собственную выдумку.

Жухэн, запертый в четырёх стенах поместья, наслушался такого количества безумных сплетен о происхождении Чу Яо, что в конце концов не выдержал:

— Почему бы просто не рассказать народу правду? Не объявить во всеуслышание о преступлениях Великого наставника Яна?

Чу Яо сидел на галерее, погружённый в чтение трактата по военному искусству. Поскольку зрение его почти угасло, свиток изготовили на заказ: иероглифы на плотной бумаге были

выпуклыми, наподобие шрифта для слепых. Его бледные пальцы медленно скользили по строчкам, бережно оглаживая каждый изгиб. Задержав руку на краю страницы, он повернул лицо к Жухэну. Его голос звучал ровно, без прежней горечи:

— Неужели ты думаешь, что люди, узнав истину, откажутся от сладкой лжи? Смертные верят лишь в то, во что сами желают верить.

От этих слов у Жухэна болезненно сжалось сердце.

Во время службы в миротворческом контингенте ему не раз доводилось бывать в диких, отрезанных от цивилизации поселениях. Стоило туда прийти холере или лихорадке, как испуганные дикари, неспособные понять природу болезни, тут же начинали искать виновных среди своих, обвиняя несчастных в колдовстве.

Нынешнее спокойствие Чу Яо пугающе напоминало Жухэну покорность обречённого еретика, которого суеверная толпа волочёт к костру. Это было не смирение, а выгоревшая дотла пустота — результат долгой, безнадёжной борьбы. Он не горел в огне, но его заживо пожирал этот медленный, невидимый тлен.

Жухэн не мог даже представить, сколько грязи и незаслуженных упрёков пришлось вынести этому юноше, чтобы взрастить в себе подобное равнодушие. Прекрасный наследный принц, казавшийся поначалу неприступным небожителем, теперь вызывал у него лишь щемящую жалость.

— И всё же мы не можем просто сидеть сложа руки, — Жухэн помялся, но всё же добавил: — Я слышал, в Цзичжоу пробрались лазутчики из удела Янь. Они вовсю сеют смуту и подстрекают народ открыть ворота, как только мятежники подступят к стенам.

Тонкие пальцы принца скользили по листу, переворачивая его. Жухэн успел заметить, что эта глава военного трактата была посвящена уловке «Запереть ворота, дабы поймать вора».

— Куда качнётся маятник народной любви, решать не мне, — безучастно отозвался Чу Яо. — Если суждено погибнуть в этот день — значит, таков мой удел. — Он помолчал, и его губы тронула едва заметная улыбка: — Впрочем, в одном деле мы всё же можем попытать удачу.

В то же самое время за городскими стенами, в главном шатре мятежников, Наследный принц Янь Чу Янь облачался в боевой доспех. Железный шлем лежал на низком ложе у его колен. Услышав за пологом торопливые шаги, он разом разомкнул веки.

— Господин наследник! — доложил вошедший воин, склонившись в глубоком поклоне. — Всё вышло в точности так, как предсказывал Великий наставник. Вести о смятении в Цзичжоу

разлетелись по всем восьми округам Андуна. Пограничные гарнизоны стягивают силы под наши знамёна. Все как один клянутся следовать за Его Высочеством на юг, чтобы покарать предателей в столице и завершить поход **[Цзиннань]**!

Зверь Тушань, совсем недавно обретший человеческий облик, чувствовал себя в новом теле неловко: он то и дело нервно сжимал кулаки и почёсывал подбородок.

— Местные правители давно зубы точили на императора из-за его указов об урезании уделов, — заговорил Тушань, опускаясь на колени. В его раскосых лисьих глазах светилось преданное обожание. — Стоило Его Высочеству поднять знамя мятежа, как они толпой побежали за ним. Позвольте вашему верному слуге поздравить вас, господин. Годы унижений позади, пришёл час расплаты! Вы так долго пресмыкались перед этим ничтожеством из Восточного дворца, изображая дружбу, а теперь наконец-то омоете руки его кровью!

Чу Янь слушал его молча, и лицо его оставалось угрюмым. Когда лис упомянул кровь наследного принца, у молодого полководца судорожно дёрнулось веко.

— Закрой пасть! — оборвал он его ледяным тоном. — Кто дал тебе право совать свой нос в дела господ?

Напуганный Тушань поспешно распластался по полу.

Чу Янь долго хранил молчание. Наконец он убрал в нагрудный карман под доспехом изящное зеркальце в резной оправе — подарок, который он ещё в столице заказал у лучших мастеров к грядущему дню рождения А-Яо.

— Когда придут подкрепления? — глухо спросил он.

— Должны подойти сегодня к вечеру или завтра на рассвете, господин.

В глазах Чу Яня мелькнула решимость:

— Передай командирам: пусть строят полки. В полдень мы начинаем общий штурм Цзичжоу. И ещё... пусть люди Ван Ту держатся позади. Без моего прямого приказа в бой им не вступать.

Тушань сразу догадался, что господин пытается уберечь своего драгоценного принца.

— Но, господин...

— Выполнять!

Стиснув зубы от злости, лис отвесил земной поклон и попятился к выходу.

Чу Янь проводил его хмурым взглядом и посмотрел за полог шатра. Над бескрайней, колышущейся ковыльной степью медленно поднималось багровое утреннее солнце.

<http://bllate.org/book/18274/1750180>